

Штольц

Штольц Андрей Иванович — один из главных героев романа И.А. Гончарова «Обломов», друг Ильи Ильича Обломова, сын Ивана Богдановича Штольца, обрусевшего немца, управляющего имением в селе Верхлеве, что в пяти верстах от Обломовки. «Штольц был немец только вполовину, по отцу: мать его была русская; веру он исповедовал православную; природная речь его была русская: он учился ей у матери и из книг, в университетской аудитории и в играх с деревенскими мальчишками, в толках с их отцами и на московских базарах. Немецкий же язык он наследовал от отца да из книг».

Образование Штольц получил специфическое: «С восьми лет он сидел с отцом за географической картой, разбирал по складам Гердера, Виланда, библейские стихи и подводил итоги безграмотным счетам крестьян, мещан и фабричных, а с матерью читал священную историю, учил басни Крылова, разбирал по складам же Телемака». Воспитание, как и образование, было двойственным: мечтая о том, чтобы из сына вырос «добрый бурш», отец всячески поощрял мальчишеские драки, без которых ни дня не мог обходиться сын, исчезновения ребенка на полдня и больше с неизвестными целями в неизвестные места. Если же Андрей появлялся без подготовленного «назубок» урока, Иван Богданович отправлял сына туда, откуда пришел, — и всякий раз юный Штольц возвращался с выученными уроками.

Мать Штольца, наоборот, стремилась воспитать истинного джентльмена, порядочного, чистенького мальчика с завитыми кудрями — «в сыне ей мерещился идеал барина, хотя выскочки, из черного тела, от отца бюргера, но все-таки сына русской дворянки». Из этого причудливого сочетания и сформировался характер Штольца, о котором много и по-разному говорят не только персонажи романа — о нем составила целая литература. Сам Гончаров в статье «Лучше поздно, чем никогда» писал: «...Я молча слушал тогда порицания, соглашаясь вполне с тем, что образ бледен, не реален, не живой, а просто идея».

Добролюбов увидел в образе Штольца тип буржуазного дельца-предпринимателя, сосредоточенного лишь на устройстве личного счастья и благополучия: «...Как мог Штольц в своей деятельности успокоиться от всех стремлений и потребностей, которые одолевали даже Обломова, как мог он удовлетвориться своим положением, успокоиться на своем одиноком, отдельном, исключительном счастье...» («Что такое обломовщина?»)

Несколько десятилетий спустя Чехов в письме к Суворину выразился более определенно, чем прежние критики, потому что оценка его не сводилась лишь к социальным критериям: «Штольц не внушает мне никакого доверия. Автор говорит, что это великолепный малый, а я не верю. Это продувная bestия, думающая о себе очень хорошо и собою довольная. Наполовину он сочинен, на три четверти ходулен».

О Штольце было много споров: вскоре после выхода романа он оценивался критиками и современниками Гончарова как фигура почти безусловно положительная, призванная разбудить сонное царство обломовых и воззвать его обитателей к полезной деятельности. Смущало то, что героем был избран не русский, а немец. «Иностранство» Штольца вызывает неприятие его личности и некоторыми персонажами романа, в частности Тарантьевым, который говорит о нем откровенно враждебно не только потому, что Штольц развенчивает все его махинации. «Хорош мальчик! Вдруг из отцовских сорока тысяч сделал тысяч триста капитала, и в службе за надворного перевалил, и ученый... теперь вот еще путешествует! Пострел везде поспел! Разве настоящий-то хороший русский человек станет все это делать? Русский человек выберет что-нибудь одно, да и то

еще не спеша, потихоньку да полегоньку, кое-как, а то на-ко, поди! Нечисто! Я бы под суд таких!»

Иначе воспринимает своего друга Обломов: с ранних лет «юношеский жар Штольца заражал Обломова, и он сгорал от жажды труда, далекой, но обаятельной цели». Обломов привык жить по указке Штольца, в самых мелких делах ему необходим совет друга. Без Штольца Илья Ильич не может ни на что решиться, впрочем, и следовать советам Штольца Обломов не торопится: слишком разное у них понятие о жизни, о труде, о приложении сил.

Не умеющий обходиться без посторонней помощи, Обломов именно в этой черте своего характера представляет полную противоположность Штольцу, который с раннего возраста был приучен отцом ни на кого ни в чем не рассчитывать. Он хочет заниматься одновременно всем: в равной степени интересуют Штольца коммерция, путешествия, сочинительство, государственная служба. Расставаясь с отцом, отправляющим его из Верхлева в Петербург, Штолец говорит, что непременно выполнит отцовский совет и пойдет к старинному приятелю Ивана Богдановича Рейнгольду — но только тогда, когда у него, Штольца, будет, как у Рейнгольда, четырехэтажный дом. Подобная самостоятельность и независимость, а также уверенность в своих силах — основа характера и мировосприятия младшего Штольца, которую так горячо поддерживает его отец и которой так недостает Обломову.

Стихия Штольца — постоянное движение. В свои тридцать с небольшим лет он чувствует себя хорошо и привольно только тогда, когда ощущает свою нужность сразу во всех концах света. «Он весь составлен из костей, мускулов и нервов, как кровная английская лошадь. Он худощав; щек у него почти вовсе нет, то есть есть кость да мускул, но ни признака жирной округлости; цвет лица ровный, смуглый и никакого румянца; глаза хотя немного зеленоватые, но выразительные». Самое же главное в характере Штольца — «как в организме нет у него ничего лишнего, так и в нравственных отправлениях своей жизни он искал равновесия практических сторон с тонкими потребностями духа. Две стороны шли параллельно, перекрещиваясь и перевиваясь на пути, но никогда не запутывались в тяжелые, неразрешимые узлы».

Этот образ мог иметь частично своими истоками и старшего Берестова из пушкинской «Барышни-крестьянки», и «русского аристократа» из повести Н. Павлова «Миллион». Отголоски его слышатся в произведениях писателей — современников Гончарова: Щетинин из «Трудного времени» В. Слепцова, Сипягин из «Нови» Тургенева, Беркутов из «Волков и овец», Паратов из «Бесприданницы», Великатов из «Талантов и поклонников» Островского. Значительно важнее представляется то, что у самого Гончарова этот тип явился во всех трех романах: Петр Иванович Адуев в «Обыкновенной истории» предшествовал Штольцу, а Гушин в «Обрыве» во многом наследовал Андрею Ивановичу.

Штолец относится к тем героям, что, по словам Гончарова, распускают зонтик, пока идет дождь, «то есть страдал, пока длилась скорбь, да и страдал без особой покорности, а больше с досадой, с гордостью, и переносил терпеливо только потому, что причину всякого страдания приписывал самому себе, а не вешал, как кафтан, на чужой гвоздь... Мечте, загадочному, таинственному не было места в его душе... У него не было идолов, зато он сохранил силу души, крепость тела, зато он был целомудренно-горд, от него веяло какой-то свежестью и силой, перед которой невольно смущались и незастенчивые женщины».

Подобный человеческий тип, как в реальной жизни, так и в литературном воплощении, всегда несет в себе нечто двойственное: его положительность вроде бы несомненна, однако многое заставляет сопротивляться возникающим симпатиям, тем более что одной из важных составляющих философии Штольца является достижение цели любым путем, невзирая на преграды («выше всего он ставил настойчивость в достижении целей»). Именно эта черта скорее всего и заставила Гончарова сделать своего героя немцем,

правда, с надеждой на то, что не сегодня завтра под русскими именами явятся новые Штольцы

Из самых добрых побуждений Штольц знакомит Ильинскую и Обломова, чтобы «привив» им, как оспу, любовь, пробудить Обломова к разумной деятельности. Когда этот эксперимент успехом не увенчивается, Штольц позволяет проявиться собственному чувству: он женится на Ольге, воспринимая ее не только как любимую женщину, жену, но и как ученицу. На ней Штольц словно проверяет свои собственные теории и философию отношения к жизни.

Здесь возможно одно биографическое сближение. Известно, что еще до своего путешествия на фрегате «Паллада» Гончаров познакомился с юной девушкой Елизаветой Толстой. Ее красота и душевные качества не произвели на писателя особенно сильного впечатления, но после возвращения в Петербург Гончаров словно новым взглядом увидел и оценил Толстую. Ей довелось стать единственной и безответной любовью Гончарова на всю жизнь. И хотя у Штольца с Ольгой роман завершается счастливо, линия развития их отношений напоминает эпизод биографии писателя.

Штольц страдает, насколько ему это доступно, но не в силах осознать происшедшей с Ольгой перемены. Он постепенно погружается в любовь, становясь для читателя все более и более человечным: «Все теперь заслонилось в его глазах счастьем... В его памяти воскресла только благоухающая комната его матери, варьяции Герца... — Ольга — моя жена! — страстно вздрогнув, прошептал он». Полностью раскрывается характер Штольца, когда спустя годы он объяснит Ольге в ответ на ее беспричинные тоску и грусть: «Мы не Титаны с тобой... мы не пойдем, с Манфредами и Фаустами, на дерзкую борьбу с мятежными вопросами, не примем их вызова, склоним головы и смиренно переживем трудную минуту, и опять потом улыбнется жизнь...»

Именно Штольц произносит слово, ставшее впоследствии одновременно оценкой и явлением: «обломовщина». Неизлечимость подобной болезни Штольц вряд ли осознает в полной мере. Он вынужден смириться после целого ряда попыток вытащить Обломова из той трясины, в которую тот почти добровольно попал. («Началось с неуменья надевать чулки и кончилось неуменьем жить», — произносит Штольц свой приговор.) Единственное, что остается Штольцу, — это взять после смерти Ильи Ильича на воспитание названного в его честь сына Обломова, Андрюшу.

Таким образом, иллюзорной оказывается мысль Обломова о том, что «Штольц — ум, сила, уменье управлять собой, другими, судьбой. Куда ни придет, с кем ни сойдется — смотришь, уж овладел, играет, как будто на инструменте...». Штольц с его попытками преодолеть привычный уклад жизни представляет, в частности, интерес расхождением между поставленной автором задачей и явленным результатом. Именно в силу сложности этого образа он столь широко и разнообразно толковался и толкуется до сих пор в русском литературоведении.